

*Александр
Тамоников*

ФАШИСТСКОЕ ЖАЛО

Москва

*Александр
Тамоников*

ФАШИСТСКОЕ ЖАЛО

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 **Фашистское жало / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (СМЕРШ — спецназ Сталина).**

ISBN 978-5-04-220313-8

Июль 1944 года. На территории Польши советские войска освобождают несколько фашистских концлагерей. В одном из них располагался тренировочный центр для военнопленных, согласившихся сотрудничать с гитлеровской Германией. Не все приспешники успели бежать вместе с отступающими частями вермахта. Контрразведке удается задержать одного из предателей. Тот сообщил, что в освобожденном Люблине активно действует немецкая подпольная группа. Руководит ею офицер СС, связь с которым глубоко законспирирована. Выйти на вражеское подполье поручено лейтенанту СМЕРШ Степану Васильеву. Тот понимает: чтобы провести эту непростую операцию, нужен необычный оперативный ход...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-220313-8

© Тамоников А.А., 2025
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ГЛАВА 1

Сентябрь 1942 года выдался почти летним месяцем, и он не давал осени вступить в свои законные права. Ни одного желтого листочка на деревьях, ни одной пожухлой травинки! Ни единой перелетной птицы не видно было в небе! А ведь дело происходило в Польше, а Польша — это отнюдь не южная страна, здесь осень обычно наступает своим чередом, в соответствии с извечным природным графиком. Но бывают и в умеренных природных широтах исключения из раз и навсегда установленного графика.

Таким исключением была осень 1942 года в польском городе Травники, да, наверное, и во всей Польше тоже. Теплынь, благодать! Поневолу казалось, что осени, а тем более зимы в этом году не будет вовсе, а будет изо дня в день прозрачное небо с легкими облачками на нем, легкие, едва заметные серебристые нити паутины, летящие по небу и виснувшие на деревьях и тра-

вах, и еще — удивительный, прозрачный воздух, какой бывает лишь в ту самую пору, когда лето уже кончилось, а осень еще не наступила... В такую пору невольно кажется, что в мире все тихо, все ладно и складно, все в порядке, что нет никаких тревог и забот, нет никакого горя, даже смерти — и той нет. Нет и быть не может. Какие тревоги, какое горе, какая смерть может быть в таком благодатном мире?

Но это только так казалось. На самом же деле был 1942 год — страшный, несущий горе и смерть. Горе и смерть царили везде, в том числе и в польском городе Травники. Здесь также была война, причем не в каком-то отдаленном смысле, а война — зримая, каждодневная. Город был оккупирован фашистской армией. Более того — в городе был концентрационный лагерь, который именовался так же, как и сам город, — Травники. Правда, находился он не в самом городе, а на одной из его окраин, но это, разумеется, были малозначительные частности.

Концлагерь Травники не был обычным лагерем смерти, каковых расплодилось бесчисленное количество по растерзанной Польше, да, впрочем, не только по Польше, но и в других краях и странах, подмятых фашистским сапогом. По сути, Травники были специальным трениро-

вочным центром. В нем проходили обучение и тренировались пленные, пожелавшие сотрудничать с фашистской Германией. В лагере готовили информаторов, провокаторов всех рангов и мастей, охранников, конвоиров и надсмотрщиков. После подготовки их распределяли по другим лагерям, и это были верные и преданные помощники фашистов. Готовили здесь также карателей, которые затем участвовали в войне против партизан и подпольщиков. Ну и, конечно, здесь же проходили обучение будущие шпионы и диверсанты, которых после обучения забрасывали в советский тыл. Курсантов, проходивших обучение в лагере по одной из специальностей, именовали травниками или, по-немецки, хивис.

Большей частью травниками становились по известной схеме. По окрестным лагерям разъезжали вербовочно-агитационные команды, которые приглашали узников записываться в хивис, обещая взамен всевозможные земные блага, и в первую очередь — возможность остаться в живых. Конечно, далеко не все соглашались на эти самые блага, но было немало и таких, которые соглашались. Вот из этих-то, из согласившихся, и формировались учебные группы, которые затем превращались в травников-хивис. Были среди курсантов и поляки, и евреи, и жи-

тели других оккупированных фашистами стран, были и советские военнопленные. Всякие были...

В числе прочих курсантом был и Иван Коломейцев. Он попал в плен в сорок первом году под Харьковом. Не сдался добровольно, а именно попал в плен, будучи контуженым и без сознания. Вообще можно было сказать, что ему в какой-то мере повезло. Обычно контуженых и раненых пленников фашисты добивали на месте — для чего им нужен был такой балласт? Скорее всего, застрелили бы и Ивана. Но его в самый последний момент спас какой-то незнакомый ему боец. Волею случая этот боец оказался в той же самой воронке, что и Коломейцев, находившийся в беспомощности.

— Очнись, браток! — принялся трясти Ивана незнакомый боец. — Очнись, сказано тебе!.. Очнись! Приди в себя!

— А? — открыл глаза Коломейцев. — Что такое? Ты кто?..

— Очнулся, — скривился боец в невеселой усмешке. — Может, оно и хорошо... А то ведь — как знать? Говорят, они добивают тех, которые раненые...

— Кто добивает? — Иван отчаянно тряс головой, стараясь прийти в себя. В голове звенело и гудело, ему казалось, что его уши засыпаны песком.

— Известно кто — фашисты, — с горечью произнес незнакомый боец. — Вот найдут они нас в этой воронке — и того... Если будем без памяти. А вот если будем в сознании, то, может, и выживем. Так что ты не теряй сознание, ежели чего... Крепись.

— Ну так сражаться надо, — прохрипел Иван. — Стрелять!

— Чем? — хмыкнул незнакомый солдат. — Моя винтовка — того. Один только приклад остался. Вот, гляди... А ты и вовсе с пустыми руками... Чем же мы станем стрелять?

— А где же моя винтовка? — Коломейцев зашарил руками вокруг. — Куда же она подевалась? Ведь была при мне!

— Наверно, осталась там, наверху, — предположил боец. — Тебя-то ко мне в эту воронку будто зашвырнуло. Будто ты с неба свалился. Какой был — без оружия и без сознания. Должно быть, взрывной волной. И хорошо, что ты еще целый, только лишь сознание потерял. А то бы совсем беда...

— Стрелять! — Коломейцев изо всех сил пытался очухаться. — Вот я сейчас выберусь наверх... Найду винтовку и...

— Для начала оклемайся, — посоветовал боец. — А то ты сейчас как чумной. Какой из тебя воин-то?

— Ну так лезь наверх ты сам! — Иван по-прежнему отчаянно тряс головой, стараясь избавиться от шума в ушах и голове. — Найди, чем нам стрелять! Да гранат бы пяток. Вдвоем-то и отобьемся...

— Оно бы вроде и резон, — с сомнением произнес боец. — Но, с другой-то стороны... Слышишь — затихло наверху все? Я спрашиваю — ты слышишь?

— Да, — сказал Иван.

Слух и более-менее сносное самочувствие постепенно возвращались к нему. Видать, контузия была не настолько страшной — всего лишь сильный удар взрывной волны от разорвавшейся неподалеку мины.

— Ну так вот, — вздохнул боец. — И я слышу, и ты слышишь... Тишина там, наверху. А это значит, что бой окончен. Некому больше воевать. Разбили наше подразделение. Одолели. Отошли наши, которые живые и целые. А которые остались вроде нас, тех, должно быть, станут искать. По окопам, по воронкам и прочим норам. Зачищать завоеванное пространство...

— Кто станет искать? — не понял Иван.

Незнакомый боец ничего не ответил, лишь хмыкнул и посмотрел с грустной иронией. А затем сказал:

— Нам бы затаиться здесь до темноты. В темноте по-любому выбираться сподручнее. Ползком, ужом, короткими перебежками... Да и ты до темноты окончательно придешь в себя. Словом, нам нужно дождаться темноты. Затаиться в этой воронке и не высовываться.

Но дождаться темноты им не удалось. Вскоре сверху слышались шаги и немецкие голоса, и в воронку заглянули сразу несколько немецких солдат. Ну а дальше — все было понятно. Ивана и незнакомого бойца не пристрелили прямо в воронке, наоборот, им велели подниматься наверх. Они поднялись, а куда им было деваться? Вот так он и начался — горький и страшный фашистский плен.

Их и таких же, как и они, горемык привезли в какой-то польский городок — Иван даже его названия не запомнил, да и не стремился запоминать. Точнее сказать, в концлагерь, расположенный в этом городке. В городке, как понял Иван, испокон веку добывали уголь. Не понять этого было просто невозможно — все пространство было усыпано черной угольной пылью, она скрипела на зубах, въедалась в кожу, забивалась в нос и засыпала глаза, из-за нее пространство вокруг постоянно было подернуто размытой полумглой.

Узников, в том числе и самого Ивана, определили в угольные шахты добывать уголь для Германии. Ранним утром их отводили на шахты, поздним вечером — приводили в лагерь. Работа была изнуряющей, изматывающей, да и к тому же смертельно опасной. Часто из шахт не возвращалось по нескольку, иногда и по десятку подневольных шахтеров. Обрушение шахтной кровли, взрывы метана и угольной пыли были явлением едва ли не ежедневным. Плюс болезни, увечья, недоедание. Выжить в таких условиях было делом проблематичным, да что там — буквально немислимым.

А Ивану Коломейцеву хотелось выжить. Ему хотелось вырваться из этого крошечного, запертого черной пылью ада. Ему хотелось обратиться к своим боевым товарищам, взять оружие, сражаться до полной победы. Коломейцев постоянно думал о том, как бы ему сбежать из лагеря. Он искал пути, возможности и способы, но до поры до времени они не находились. Он понимал, что в одиночку такое серьезное и предельно рискованное дело ему не совершить, и исподволь присматривался к товарищам по несчастью, надеясь среди них отыскать единомышленника и соучастника.

В единомышленники и соучастники он в первую очередь определил того самого бойца,

с которым вместе попал в плен. Так уж получилось, что и самого Ивана, и бойца определили в один и тот же лагерь и назначили на одну и ту же работу — добывать уголь. Общее несчастье их сблизило, они сошлись и познакомились. Бойца звали Федотом Кулеминым, он был родом из поволжских крестьян. Сам по себе он был человеком основательным и рассудительным. К тому же, насколько Иван мог в том убедиться, Федот Кулемин не был по натуре своей подлецом и лагерной шкурой, то есть он никак и ни при каких обстоятельствах не стремился совершить какую-нибудь подлость: выслужиться перед лагерным начальством, донести, выбить для себя какую-нибудь собачью должность...

Так с кем же, как не с ним, было заводить разговор о побеге? Иван однажды и завел. Так, мол, и так, выбираться надо из этого пекла, не то пропадем здесь окончательно. Федот Кулемин отнесся к таким словам Коломейцева спокойно и бесстрастно — создавалось впечатление, что он их ждал от Ивана.

— Оно конечно, — в раздумье проговорил Федот. — Пропадем мы здесь. Не сегодня, так завтра... Бесславной смертью. А это нехорошая смерть. Нечеловеческая. Да вот только как отсюда можно выбраться? Я не знаю такого способа. Может, тебе он известен?

— И я пока тоже не знаю, — сказал Коломейцев. — Надо искать такой способ. Надо думать.

— Да, — сказал Федот. — Тут надо крепко подумать. Основательно.

Вот так они и стали соучастниками будущего побега. И стали искать способ, чтобы убежать.

Способ придумал Кулемин. Это, конечно, был рискованный способ во всех отношениях, ну так иного способа, чтобы выбраться из лагеря, в принципе и быть не могло. Способ заключался в следующем. Бывали такие смены, когда Иван и Федот работали в шахте вместе, плечом к плечу и бок о бок. Вычислить такую смену было никак невозможно, она была делом случая. Это могла быть и дневная смена, и ночная. Вот в такую-то смену и нужно было бежать. Лучше, конечно, в ночную. Ночью, как известно, и видимость хуже, и охрана не так бдительна, потому что ночью ей, охране, тоже хочется спать.

По сути, это был простой и безыскусный план, как устроить побег. Заключался он в следующем. Уголь, добытый в шахтах, грузился в вагонетки и отправлялся наверх, на угольный склад. Там его высыпали, после чего пустые вагонетки возвращались обратно в шахту за новой порцией угля. При этом, что немаловажно, уголь из вагонеток выгружался автоматически, без по-